

Разве что... ты считаешь, что раз я только что не выполнил задание, меня нужно наказывать?

Система умолкла.

Хотя Фан Уцо перепутал человека, а метод спасения выбрал крайне радикальный, нельзя было не признать: стоило помочь злодею избить его обидчиков, как уровень потемнения злодея действительно снизился.

Пока уровень потемнения падал, у Системы не оставалось причин наказывать Фан Уцо.

Система просто в голове не укладывалась: надо же, действия Фан Уцо с легкостью могли ввести злодея в заблуждение и убедить Бай Цаньюня в том, что отвечать насилием на насилие — это нормальный выход.

А это никуда не годилось.

Припрятав шкалу потемнения Бай Цаньюня, Система принялась снова докучать Фан Уцо своими нравоучениями.

Фан Уцо ускорил шаг, желая как можно скорее покинуть Академию Белой Башни.

Помимо Гао Хуна, на стороне Черной Башни его ждала куча дел. Шаг Фан Уцо был твердым, и по мере того, как он глубоко вздыхал, мелькнувшая в его глазах свирепость вновь сменилась спокойствием.

Гао Хун поджидал Фан Уцо на единственной дороге, ведущей из Академии Белой Башни, и его раздраженное выражение лица выдавало, что терпение у него на исходе.

Звук шагов кожаных ботинок возвестил о появлении Фан Уцо. Гао Хун уже открыл рот, чтобы высказать недовольство, но стоило ему увидеть то, что отразилось в его глазах, как он замер в крайнем изумлении.

Прошло всего каких-то несколько минут, с чего это вдруг какой-то маленький проводник бросается к Фан Уцо на шею?

— Ты... — Гао Хун не верил своим глазам. Он ткнул пальцем в Фан Уцо, уголки его рта дергались, выражение лица сменялось за мгновение по нескольку раз, а все заготовленные слова застряли в горле. Гао Хун покраснел от напряжения, топнул ногой и разъяренно выбежал из Академии Белой Башни.

Фан Уцо почувствовал сильную боль в спине от столкновения. Проводив взглядом удаляющегося Гао Хуна, а затем переведя взгляд на стоявшего позади Бай Цаньюня, Фан Уцо

тяжело поморщился, и на его лбу запульсировала жилка.

— Чего тебе еще? — не обращая внимания на визгливые напоминания Системы о задании по спасению, он схватил Бай Цаньюня за шиворот и, как цыпленка, приволок прямо к себе.

Он уже помог Бай Цаньюню избавиться от неприятностей, и если тот вдруг решит, что с ним так легко договориться, и увяжется следом, Фан Уцо сочтет Бай Цаньюня еще более бесполезным.

Бай Цаньюня притянули вплотную, на запястьях остались красные следы от пальцев. Не говоря ни слова в свое оправдание, он лишь поблагодарил Фан Уцо:

— Спасибо тебе! Брат-страж!

Само это обращение звучало отвратительно.

Фан Уцо мысленно скривился и небрежно отмахнулся.

— Тогда... не мог бы ты назвать мне свое имя? — робко произнес Бай Цаньюнь. — Я обязательно отблагодарю тебя в будущем!

И он даже не пытается воспользоваться случаем и попросить защиты? Это несколько удивило Фан Уцо. Мнение о Бай Цаньюне чуточку улучшилось, но он все же решительно ответил:

— Нет.

Бай Цаньюнь разом замер на месте, растерявшись от такого ответа.

Фан Уцо бросил взгляд на настенные часы, и на его лице отчетливо читалось желание поскорее уйти:

— У тебя еще что-то есть?

— Я... — Бай Цаньюнь украдкой сжал в кулаки края одежды и принялся теревить их. Ему было любопытно, почему Фан Уцо вообще решил ему помочь, но раз тот даже собственного имени называть не пожелал, вряд ли станет откровенничать в чем-то другом.

— Если больше ничего нет, я пойду. — Фан Уцо снова глянул на часы, недвусмысленно давая понять, что намерен удалиться.

— Могу я попросить тебя... помочь мне продать одну склянку с лекарством? — тихонько

проговорил Бай Цаньюнь. — Я заплачу тебе, ты не будешь бегать даром.

Фан Уцо молча посмотрел на него.

От волнения бледное лицо Бай Цаньюня даже слегка порозовело. Жалобно глядя на него, он произнес:

— Прости, я не пытаюсь тобой помыкать, но они ведь тоже пострадали и наверняка отправятся в лазарет, а я не хочу... поэтому могу положиться только на тебя. Брат-страж, умоляю, помоги мне с этим.

От автора:

Спасибо моим прекрасным жёнушкам за питательную жидкость! Ох, как же я вас люблю!

Можно ли и мне сегодня выпросить капельку питательной жидкости? [Тарелка с едой]

Эу-эу, ваш ничтожный автор сидит в сети и молит о питательной жидкости и добавлениях в избранное!

Глава 4. Вот почему ты так рано умер

Звучало вполне разумно. Глядя на багрово-синие следы на руках Бай Цаньюня, Фан Уцо с непонятной интонацией произнес:

— Ладно, возвращайся в класс.

Бай Цаньюнь хотел заглянуть в лицо Фан Уцо, но перед лицом незнакомого стража все еще робел. Бросив на него вороватый взгляд, словно испуганный зверек, он тут же опустил голову:

— Брат-страж, я даже не знаю, как тебя отблагодарить... Хочешь, я угощу тебя обедом?

Фан Уцо уже повернулся спиной:

— Не нужно.

Попросить об обеде проводника из Белой Башни? Если Фан Уцо правильно рассмотрел форму Бай Цаньюня, судя по его познаниям об академии, этот парень должен был учиться на два класса младше него самого.

Проводники в таком возрасте не могли просто так покидать Белую Башню. К тому же Черная и Белая Башни находились очень далеко друг от друга, и без крайней необходимости молодые

стражи Черной Башни и проводники Белой Башни не имели права самовольно заходить на чужую территорию.

Как ни посмотри, а этот обед вряд ли мог состояться.

Фан Уцзю сделал пару шагов и, услышав позади шуршание чужих шагов, со спокойной совестью зашагал дальше.

Гао Хун поджидал у входа в Академию Белой Башни. Когда Фан Уцзю подошел, он толкнул друга в плечо:

— Эй, у тебя есть лекарство? От наружных повреждений.

Гао Хун отвернулся, наотрез отказываясь общаться с этим приятелем, который вел себя так, будто в него вселился другой человек.

Фан Уцзю церемониться не стал: подхватил его под мышки, одной рукой вцепился в пояс брюк, а другой шустро залез в карман.

— Не прячь, я же знаю, что у тебя есть.

Купить? Трата денег вообще не входила в его планы. Тратить деньги ради какого-то едва знакомого проводника — тем более.

Оставалось лишь в очередной раз потрепать нервы своему ненадежному корешу.

Гао Хун с изуродованным от ужаса лицом отчаянно защищал собственный ремень, но всё равно не уберёгся от безжалостного грабежа со стороны Фан Уцзю, которому оставалось лишь наблюдать, как Фан Уцзю деловито перебирает и конфискует его драгоценные медикаменты.

— Ты чего... Ой! Ладно, черт с ним, берешь лекарство — так бери, мои-то штаны зачем дергать?
— Гао Хун с болью в сердце смотрел, как его сокровища уплывают прочь, но напрямую выразить недовольство и прослыть жадиной не смел, поэтому отделался вялой жалобой под нос.

Фан Уцзю, прекрасно зная ответ, поинтересовался:

— Что, жалко? Гао Хун, разве мы не лучшие друзья?

Лекарства Гао Хуна разительно отличались от дешевой дряни с рынка. Мази из академического лазарета жгли при нанесении и помогали плохо, а те, что привез дядя Гао

Хуна — высокопоставленный военный, — действительно стоили того, чтобы за них переживать.

Но если не отдать... на душе у Гао Хуна скребли кошки. Он отчетливо чувствовал, что Фан Уцзю изменился, хотя и не понимал почему. Может, тот прознал о чем-то?

Гао Хун не был уверен, но припомнив, что в Академии Белой Башни вел себя с Фан Уцзю несколько сухо, решил: а вдруг тот затаил обиду и теперь вредничает? В такой ситуации поделиться этим пузырьком — идеальный способ доказать их крепкую дружбу.

В голове лихорадочно крутились мысли. Напустив на себя улыбку в стиле лучший друг навек, Гао Хун подавил горькое разочарование и выдавил:

— Да что ты говоришь? Во всей Черной Башне крепче нашей дружбы не сыскать! Мое — значит твое, бери пользуйся!

Уголки губ Фан Уцзю чуть приподнялись, и он с улыбкой бросил:

— Спасибо, друг.

Гао Хун торопливо оправил ремень, не сводя глаз с пузырька в руке Фан Уцзю:

— Зачем оно тебе? Неужели тот проводник тебя приложил, когда налетел?

Стоило заговорить о проводниках, как Гао Хуна снова защемило завистью: он сам в Академии Белой Башни палец о палец не ударил, только и делал, что крутился за Фан Уцзю, в итоге даже лица ни одного проводника толком не разглядел, не говоря уже о контактах, а вот Фан Уцзю стоило выйти — и кто-то сам вешается ему на шею!

Кто вообще способен вынести такую несправедливость?

Фан Уцзю взмахнул ладонью, и оттуда вспорхнула крупная красивая птица с золотыми крыльями. Она аккуратно подхватила клювом склянку и стремительно метнулась обратно в Академию Белой Башни.

— Я в порядке, это тот проводник пострадал. — Фан Уцзю и не думал ничего скрывать, выложив всё как есть: — Счел, что мне нечем заняться, вот и совершил подвиг во имя справедливости.

— Какой же это подвиг... Специально поперся туда, небось, решил поиграть в героя, спасающего красавицу, — со смешком подначил Гао Хун.

Фан Уцзю неожиданно спросил:

— Когда мы шли по коридору, ты слышал шум в Снарядной?

— Вроде того, — пожал плечами Гао Хун. — Детские шалости, не бери в голову.

Фан Уцо приподнял бровь, оставив реплику без ответа.

Дождавшись, пока его духовное тело доставит лекарство Бай Цаньюню, он вместе с Гао Хуном вернулся в Черную Башню, где обитали стражи.

Стоило переступить порог Черной Башни, как Фан Уцо охватило странное чувство, будто прошла целая жизнь.

Возродившись, он как раз покидал Черную Башню и садился в машину, направляющуюся в Белую Башню. И хотя с момента подачи документов в Белую Башню прошло всего несколько часов, Фан Уцо словно вернулся из далекого будущего прошлой жизни прямо в настоящее.

Давно знакомая Черная Башня.

Всё такая же мрачная, словно кладбище.

В отличие от залитой светом Белой Башни, проект Черной Башни учитывал острую чувствительность органов чувств стражей: освещение здесь намеренно приглушили, звукоизоляцию усилили, а любые резкие запахи тщательно устраняли.

Окна были наглухо занавешены от света, тусклые лампы едва рассеивали мрак, а в коридорах царила абсолютная тишина — не говоря уже обо всем остальном.

Шагнув внутрь, Фан Уцо сразу почувствовал облегчение на душе и теле.

Пожалуй, это был один из немногих недостатков службы стражем: чрезмерно обостренные чувства заставляли их острее реагировать на любые внешние раздражители. То, что со стороны казалось угнетающей до предела Академией Черной Башни, для самих стражей было на удивление комфортным местом.

Время было еще раннее, и по идее Фан Уцо следовало отправиться на занятия. Однако, лишь бегло взглянув на учебный корпус, он под недоумевающим взглядом Гао Хуна направился напрямиком в общежитие.

Гао Хун почесал в затылке, но отговаривать друга не стал. В конце концов, на уроки не пойдет Фан Уцо, а не он сам, так с какой стати ему лезть не в свое дело?

Поскольку шли занятия, в общежитии стояла звенящая тишина. Фан Уцзю рухнул лицом на кровать и, уставившись в потолок, принялся размышлять о своем трижды перекроенном бытии.

Изначально он был обычным студентом земного университета, пока бессовестная Система не затащила его в этот Богом забытый мир. При этом сама Система опоздала ровно на целую жизнь и лишь теперь соизволила успешно завершить привязку.

О целях задания по спасению злодея Фан Уцзю не знал ровным счетом ничего. В воспоминаниях из его прошлой жизни у проводника Бай Цаньюня не было никаких выдающихся черт — их пути напоминали две параллельные прямые, и если бы не Системное принуждение, вряд ли они пересеклись бы за всю жизнь.

Задание Фан Уцзю не интересовало, к этому Миру Пустошей он не испытывал никакой привязанности, и единственное, что по-настоящему волновало его разум и душу, — это обещанная Системой награда: возможность вернуться домой.

<http://bllate.org/book/25821/3086029>